121989

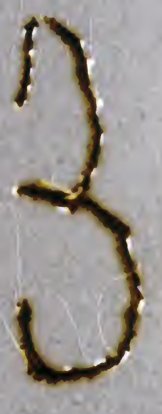
4 0 2

ТУ-19-241-82

8

N

2




студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—775

В. Чернышев

МУХА



Художник Б. Игнатьев



Муха родилась на Камчатке в морском порту. Хозяина у неё не было. Может быть, в её роду и были славные имена, но люди не знали их — ведь за родословной дворняжек никто не следит...



Весь день в порту громыхали якорными цепями корабли, сигналили автопогрузчики, кричали люди.



К ночи порт притихал. Приходил сторож Сафонов со своим псом Угольком. Это были лучшие часы Мухи. Оттерев Уголька, она садилась возле сторожа. Он гладил ей голову.



«Эх вы, собаки, собаки! — говорил сторож. — Хоть и бессловесные вы создания, а с вами веселее...»



Однажды к причалу подошёл большой плавучий кран. Мотористы с крана пришли на склад получать оборудование и увидели Муху. Узнав, что Муха — ничья, они решили взять её на кран.



С бухты набегали волны, и кран покачивался. Муха растерялась: пол под ногами почему-то кренился, уходил вниз. Она сделала шаг, но её мотнуло, и она пошла не туда, куда хотела. «Походочка-то у неё морская!» — засмеялись матросы.



Ко всем в команде Муха старалась относиться одинаково, но хозяином своим считала только одного — кранмейстера Николая Николаевича. Подружилась она и с судовым котом Гошкой.



Вечерами Муха направлялась к каюте кранмейстера. Николай Николаевич сидел за столом и писал. Затенённая лампа освещала руки, бумагу и фотографию женщины с двумя детьми. Муха смотрела на него и ждала.



«Ну что, пришла, Муха-Цокотуха?» Собака подходила и клала Николаю Николаевичу на колени передние лапы и голову.



Из всей команды Муха не любила лишь строповщика Лобуса. Как все собаки, она долго не забывала обиды. Однажды Лобус незаметно подошёл, подхватил её, бросил в шлюпку и накрыл брезентом.



Под тяжёлым брезентом было темно и душно. Муха испугалась, стала биться, путаясь в брезенте. Наконец она выпрыгнула из шлюпки, ударилась о палубу носом и пустилась наутёк, чтобы не слышать смеха Лобуса.



В другой раз Лобус поймал Муху и посадил высоко на трап, идущий в кабину крана. Кран покачивало, и Муха с трудом держалась на узкой ступеньке. Её выручил Николай Николаевич. Он снял Муху и отругал Лобуса.



Но такие случаи были редки. Команда хорошо относилась и к Мухе, и к коту Гошке. Муха любила сопровождать матросов, когда они сходили на берег. Довольная, она бежала впереди, задорно закинув на спину хвост.



На кране Муха нашла серьёзное и полезное для всех дело. Она приспособилась ловить вместе с Гошкой крыс. Когда появлялась крыса, охоту начинал Гошка, а Муха сразу занимала пост возле крысиной лазейки.



Крыса увёртывалась от Гошки, мчалась в убежище, и тут её встречала Муха. Охота велась вдвоём, но крыса становилась трофеем только Мухи. Она несла её показать кому-нибудь из людей.



В один из штормовых дней кран был вызван к судоремонтным мастерским. Обычно в такую погоду работы не ведутся, но на этот раз положение было аварийным.



Волны разбили набережную и грозили смыть катер, стоявший на ремонте. Надо было срочно переставить его. Строповщики торопливо заводили под катер тросы.



Муха тоже вскочила на палубу. Николай Николаевич, стараясь перекричать ветер, отдавал приказания. Тревога людей передавалась собаке. Она суетилась на мокрой, уходившей из-под ног палубе.



Гудел ветер, раскачивал на стреле тяжёлый гак. И тут случилось непредвиденное: на стреле сошёл с блока трос.



Кранмейстер послал завести трос Лобуса, но тот отказался. «Кто же полезет на стрелу?—сердито спросил Николай Николаевич.—Это же твоя работа!»—«При таком штормяге пусть лезет, кто хочет!»—ответил строповщик.



Тогда кранмейстер полез сам. Муха с тоской смотрела, как немолодой уже человек карабкался по стреле, гудевшей от ветра. Она металась, хотела лезть вслед. Но на помощь уже поднимались два матроса.



Через несколько дней Лобус собрал свой сундучок и, не простившись, ушёл с крана. О нём не жалели. Муха почувствовала себя на кране свободнее.



Снова потянулись обычные трудовые дни. Кран ходил по бухте и поспевал всюду, где нужно было поднять тяжести: в порту, на стройке нового причала, в судоремонтных мастерских.



Погожим вечером боцман Гаврилыч занялся рыбной ловлей. Гошка и Муха, наблюдая, сидели рядом: Муха на палубе, а Гошка—на ящиках. Рыба не клевала.



С бухты набегал свежий бриз, слегка покачивало. Швартовый трос, поскрипывая, тёрся о ящики. Вдруг они поползли, и Гошка не успел глазом моргнуть, как очутился за бортом.



Муха заметалась, затужила, скуля, и неожиданно—будто кто-то подтолкнул её—прыгнула за борт.



Гаврилыч скинул бушлат и тоже прыгнул на помощь. Схватив за шиворот кота, он кинул его на палубу, а потом подал подбежавшим матросам и Муху.



Гаврилыч после холодного купания отправился под горячий душ, а Гошку поместили в тёплую сушилку рабочей одежды. В этот вечер охота на крыс была забыта. Муха лежала рядом и вылизывала его мокрую шерсть.



Муха даже не пошла проведать Николая Николаевича. Но, узнав о происшествии, он зашёл с Гаврилычем сам. «Эх ты, Гошка, горе-рыболов! — потрепал он кота. — А ты, Муха-Цокотуха, — герой! Тебя хоть к медали «За спасение утопающих» представляй!»



В один из летних дней Николай Николаевич подъехал к крану на «Москвиче», отдал распоряжение и укатил в аэропорт, захватив Муху. Никогда не приходилось ей мчаться с такой скоростью!



В аэропорту Николай Николаевич оставил Муху в «Москвиче» и присоединился к тем, кто ждал самолёта. Наконец радио объявило о посадке. Над Мухой с шумом пронеслась серебристая машина, промчалась по аэродрому и подрулила к вокзалу.



Муха видела, как Николай Николаевич подбежал к самолё-ту, подхватил с трапа жену и расцеловал детей.



На обратном пути Елена Викторовна, жена Николая Николаевича, сидела с ним рядом, а Муха с Верочкой и Колякой — сзади. Николай Николаевич рассказывал о Камчатке, о вулканах. «Москвич» был наполнен счастьем встречи.



В городе машина остановилась у подъезда нового дома. Нежилые комнаты пахли краской. Коляка бегал по ним и вскрикивал, забавляясь звонким, дробным эхом.



«Вот тебе собака! — сказал Коляке отец. — Корми и заботься о ней. Она жила в порту, ночуя где придётся, потом у нас на кране. В свои годы она заслужила более спокойное житьё. Не давай её в обиду».



И Муха стала жить в семье кранмейстера. Елена Викторовна и Верочка почти не обращали на неё внимания. Она проводила время с Колякой, терпеливо сносила его шалости, позволяла запрягать себя в игрушечные автомобили.



Вечером, когда Коляка ложился спать, Муха сидела на кухне и смотрела на Верочку и на хозяйку. Муху обижало, что ей запрещалось входить в комнату. На кране она пользовалась полной свободой.



Как-то раз, когда Коляка спал, Муха услышала в прихожей шорох. В сумке, с которой ходили за хлебом, шелестела бумага. Муха сунула в неё голову—и оттуда выскочила мышь.



Мышь кинулась к щели, но Муха опередила её. Очень довольная, Муха понесла трофей хозяйке.



Когда Елена Викторовна рассмотрела добычу, она вскочила со стула и закричала: «Пошла! Пошла вон! Тащишь всякую мерзость!» Она схватила веник, вышвырнула мышь и этим же веником шлёпнула собаку.



Это было не больно, но очень обидно. Муха сидела на лестничной площадке и недоумевала, за что хозяйка выгнала её: ведь на кране за каждую крысу её и Гошку хвалили, угощали чем-нибудь вкусным.



И Муха опять затосковала о кране, о Гошке, о Николае Николаевиче, которого теперь видела редко. Муха вышла на улицу. Внизу под сопкой светился огнями неугомонный порт.



Муха решилась. Остерегаясь машин, она пробралась в порт. Там, где обычно сидел сторож, ни его, ни Уголька не было. Не было в порту и крана. Муха постояла на пустом причале и побежала к мастерским.



Она добралась до мастерских под утро, взбежала по знакомому трапу и радостно кинулась к вахтенному.



Муха до сих пор живёт на плавучем кране. Развлекая на досуге матросов, она скрашивает их нелёгкую службу на далёкой Камчатке. Летними вечерами над тихой бухтой разносится её звонкий беззлобный лай.

КОНЕЦ

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д-047-84